

ФУНКЦИИ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИКИ С АРХИСЕМОЙ «ОДЕЖДА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ленкова А.С.

студентка 3 курса

Социально-педагогического института

enkova.anf@gmail.com

Канарская Л. Г.

доцент кафедры социально-

гуманитарных дисциплин, к.фил. н.

kanarskaya2013@yandex.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, РФ.

Аннотация. Статья посвящена описанию функциональной роли лексем лексико-семантической группы «одежда» в тексте художественной литературы разных эпох: от древнерусской литературы до русской литературы XX века.

Ключевые слова: предметная лексика, эстетическая функция, лексема, гиперсема, образ-символ, антропоцентрический подход, метафора, знаковость.

В изобразительном искусстве достаточно просто увидеть уловленную и написанную художником черту героя. В литературном тексте мы встречаемся с иным способом визуализации. Не только авторское описание или его оценка, но и название предмета становится значимым.

В художественном произведении предметная лексика может служить не только «способом обозначения окружающего «вещного мира», но и иметь эстетическую функцию» [6, с. 32]. В разные эпохи развития русской литературы, у разных писателей эти функции существенным образом варьируются.

В древнерусской литературе обозначение предметов одежды во многих жанрах литературы (например, проповеднической) было ограничено. Это было связано с предназначением такого рода произведений - не для развлекательного чтения, а для выражения духовно-нравственного, религиозного начала. Однако в других жанрах (паломническая и житийная литература, бытовые повести) предметная лексика с *архисемой* «одежда» функционировала достаточно активно. Например, в «Молении Даниила Заточника» употребление лексемы «одеяние» служит основой для создания сюжетной антитезы: «бедность - богатство», «духовное - вещественное»: «Княже мои, господине! Не зри на внешняя моя, но вонми внутреняя моя. Аз бо есмь *одеянием* скуден, но разумом обилен, юн возраст имьи, но стар смысл вложих вонь» («Моление Даниила Заточника»). Антитеза «одеяние скудное - разум обилен».

«Лучше бы ми нога своя видети в *лыченицы* в дому твоём, нежели в *черлене сапозе* в боярстем дворе; лучше бы ми в *дерюзе* слудить тебе, нежели в *багрянице* в боярстем дворе» («Моление Даниила Заточника»). Антитеза рождается вследствие использования противоположных по семантике лексем «лыченицы» - «черлен сапог», «дерюза» - «багряница».

В произведении XVII века «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» лексема «платье» употребляется в номинативном значении, но становится символом бесправия: «И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и *без платья!* Что собачка в

сломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я из *скуфьею* бил...» (Житие протопопа Аввакума...»).

В русской литературе XIX-XX веков описание внешности персонажа и его одежды становится нормой и выполняет не только номинативную, но и характеристическую функцию. В разное время на это указывали многие современные исследователи лексического и фразеологического пластов языка [1, 2, 3, 7].

В основе метонимии как средстве выразительности в произведениях многих известных писателей XIX-XX веков лежит использование лексем с гиперсемой «одежда»: «Партер, засоренный френчами» (М.А. Булгаков «Похождения Чичикова»). «*Фраки* и *мундиры* сидели вокруг стола» (Ю.Н. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»). «Черные *фраки* кучно и розно носились по залу, как мухи над рафинадом» (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Анализируя функционирование лексико-тематической группы «одежда» в произведениях Н.В. Гоголя, мы заметили, что такая деталь внешнего облика человека, как костюм, распространена у Гоголя во всём своём разнообразии. В целом, можно говорить о «появлении у лексемы оценочных коннотаций и приобретение ею символического значения» [4, с. 448]. Например, использование исследуемых наименований при описании образа Чичикова способствует рождению необходимой для автора характеристики персонажа. «Четыре заношенных... фуфайки, два старых сертука, подбитых мерлушками - все, что оставил отец в наследство» - таковы своеобразные вехи жизни, ступеньки лестницы, по которой поднимался Чичиков в «миллионщики». Лексемы «фуфайка», «сертук» приобретают в тексте символическое значение.

Значительное место уделяется внешнему облику персонажа и в произведениях И.А. Бунина. Наименование одежды героя Бунина часто «проходит через всю ткань произведения и становится символическим» [5, с. 174]. Примером такого образа-символа у И.А. Бунина может служить *платок*. В повести «Деревня» платок становится символом утраченных надежд, неправильно прожитой жизни: «Была у меня, понимаешь, стряпуха немая,

подарил я ей, дуре, платок заграничный, а она взяла да и истаскала его наизнанку... Понимаешь? От дури да от жадности. Жалко на лицо по будням носить, - праздника, мол, дождусь, - а пришел праздник - лохмотья одни остались... Так вот и я... с жизнью-то своей... [И.А. Бунин «Деревня»]. Для мужчин символичным становится наименование *«шапка»*. «Шапка» в произведениях И.А. Бунина - это символ ухода от внешнего мира: «Он внушил, что все ему лиходеи, и жил, надвинув шапку на глаза, но строже [И.А. Бунин «Игнат»].

В. Набоков в докладе «Человек и вещи» пишет, что «человек - подобие Божие, вещь - подобие человеческое». Этот антропоцентрический взгляд на вещи у Набокова нашел отражение в метафорических конструкциях с номинациями предметов одежды. Одежда героев Набокова дублирует фигуру своих хозяев, и, одушевляясь, приобретает свойственные им чувства, она как бы превращается в двойников своих хозяев: «его макинтош и ее кротовое пальто часами обнимались». У Набокова одежда устанавливает сходство с различными органами и частями тела человека или животного / насекомого. При этом уподобление предмета одежды происходит той части тела, для которой он предназначен. Так, обувь уподобляется ногам - *«ампутация валенка»*, *«ссадина от пули на сапоге»*. Отдельные элементы одежды соотносятся с органами животных и насекомых *«черный шелковый бант, распахнувший крылья»*, *«плащ с вампировыми крыльями»*. В набоковском мире вещей у одежды появляется физиология *«дышащая блузка»*, *«шепелявые туфли»*. Она может причинять различные неудобства своему владельцу (*«томивший шею воротник»*), сводить человека с ума своими прикосновениями (*«белье докучливо липло к телу»*) В результате долгого хранения в шкафу ей свойственно принимать сонный вид - *«сонный смокинг»*.

В прозе С. Довлатова одним из семиотических приемов является создание в тексте ситуации, где описание внешности героев имеет так называемую «знаковость». Он с иронией относится к тому, чтобы с помощью костюма упрочить свой социальный статус. «Заработаю - оденусь. Куплю себе

цилиндр...». Довлатов намеренно выбирает предмет гардероба, модный в позапрошлом веке, особо регламентирующем внешность человека. В настоящем же времени *цилиндр* может символизировать стремление к консервативности, то есть рассказчик в юмористической форме предполагает стать явной антитезой тому, кто он есть на самом деле.

В зависимости от временного промежутка меняется и форма восприятия знаковости: «Когда-то человек гордился своими рысаками, а теперь... вельветовыми шлепанцами из Польши», - отмечает Довлатов. И в одном, и в другом случае гордость материальными ценностями заслуживает не более чем снисходительной улыбки автора.

Список литературы

1. Баудер Г.А. Игровая деятельность как форма реализации потребностей человека // Молодежь: свобода и ответственность. Материалы VI Владимирских духовно-образовательных чтений. - Мичуринск, 2019. - С. 11-14.

2. Канарская Л.Г. Сельские территории: этнолингвистический аспект // Современному АПК - эффективные технологии. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора сельскохозяйственных наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Валентины Михайловны Макаровой. - Ижевск, 2019. - С. 314-318.

3. Канарская Л.Г. Фразеологизмы русского языка с позиции трансформационной грамматики // Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона. Сборник материалов Всероссийской научной конференции - Мичуринск, 2016. - С. 227.

4. Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира (лингвокультурологический аспект) // Язык и ментальность в диахронии. Материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых. - Владимир, 2017. - С. 447-452.

5. Хабарова О.Г. Роль фразеобразовательной активности фитонимов в процессе создания фразеологической единицы // Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. - Мичуринск, 2016. - С. 174.

6. Швецова, В.М. Лингвокоммуникативный аспект слова в художественном тексте // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология». Тамбов, 2017. - Т. 3. - Вып. 2 (10). - С. 31-36.

7. Rudneva N.I. Explication of the national value parameter in paremiological units / N.I. Rudneva, E.A. Shimko, G.V. Korotkova // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. -2019. - Т. 9. - № 1. - С. 3852-3856.

**FUNCTIONS OF SUBJECT VOCABULARY WITH THE ARCHISEME
“CLOTHES” IN ARTISTIC TEXT**

Lenkova A.S.

3 year student

Social - Pedagogical Institute

Michurinsk State Agrarian University,

Michurinsk, Russia.

enkova.anf@gmail.com

Kanarskaya L.G.

Associate Professor, Department of Social

and Humanitarian Disciplines, Ph. D.

Michurinsk State Agrarian University,

Michurinsk, Russia.

kanarskaya2013@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the description of the functional role of lexemes of the lexical-semantic group “clothing” in the text of fiction from different eras: from ancient Russian literature to Russian literature of the twentieth century.

Keywords: subject vocabulary, aesthetic function, token, hypersem, image-symbol, anthropocentric approach, metaphor, sign.